

РЕЦЕНЗИЯ

Л. И. Скуратовская

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОЭТА

(о книге Л. Корнильевой “Поэтический мир Р. Саути”. – Харьков, 2013)

Цель книги – самая благородная. Тень Роберта Саути (1774 – 1843) давно ждет справедливого историко-литературного суда. Романтик, автор завораживающих мистическим ужасом баллад (блистательные переводы Жуковского и “Вий” Гоголя могут дать представление об их атмосфере и эффектах); друг, свойственник и иногда – соавтор С. Колриджа, член знаменитого трио “озерных поэтов”; утопист, вместе с Колриджем собиравшийся устроить фермерскую коммуну (1794 – 95), в юности – автор поэтических драм, полных революционного тираноборческого пафоса – “Уот Тайлер” и “Падение Робеспьера” (последняя – вместе с Колриджем, 1794); автор нарративных поэм (1800 – 1814), в которых сочетаются эпический размах, драматизм и лиризм, мифотворческое фантазирование, отблески преображенного романтического историзма и местного колорита (начало поэмы “Мэдок” перевел Пушкин), – такой литературный труженик не заслужил забвения. А еще переводы (испанский эпос, “Сид”, испано-португальские рыцарские романы, – из тех, которые признал великими Сервантес в “Дон-Кихоте”). А еще – литературный журнализм, издательская работа, обширные труды по истории. Казалось бы, его место в истории культуры и литературы неотменимо. Но, увы, историку литературы приходится тут преодолевать не только забывчивость, но и предвзятость: ославленный “ренегатом” в байроновских сочинениях за отказ от юношеской революционной “кровожадности”, освищенный за “лауреатство” – “грехи”, прощенные, первый – Шелли, второй – Вордсворту, Теннисону, но строго порицаемые в случае Саути, – он был отвергнут и советским литературоведением, не всё и не всегда понимавшим в чужой истории и вносящим в нее свои идеолого-политические требования. Всё это дает прочное основание для выбора исследовательской темы и той ее трактовки, которая представлена в обсуждаемом исследовании.

Есть что сказать в пользу книги Л. Корнильевой. Виден большой труд; накоплен немалый, многопроблемный научный материал – работы по истории литературы, по истории Англии и Европы, по философии и, если можно так сказать, “философиеведению”. Последние, правда, не указаны в списке литературы. Так, совершенно правильное рассуждение о том, что эстетизм романтиков рубежа XVIII и XIX вв. отразился в “эстетическом

повороте” современной культуры, “в провозглашенной современными философами тотальной эстетизации бытия” (а это последнее – проблемное, дискуссионное утверждение, которое, по зрелом размышлении, может вызвать возражение о “де-эстетизации” и дурновкусии, берущем сегодня верх в разных сферах жизни), – сопровождается лишь беглым перечислением в скобках двух имен: Ю. Хабермас, Р. Рорти (с. 139). Ни упоминания в списке литературы, ни каких-либо более ясных указаний в тексте – нет: какие труды этих философов прочитаны? Каков контекст данных извлечений? Кстати, по поводу “извлечений”: автор книги на каждом шагу заменяет ссылки назойливо повторяющимся “считается, что...”, не замечая, что в этом выражении есть оттенок сомнительности и даже определенного обещания: дескать, принято считать так, но я вот сейчас уточню, что на деле всё не так.

Заслуга Л. Корнильевой – во внимательном прочтении (и в буквальном, и в литературоведческом смысле); прочтении, разумеется, в оригинале, – этих старинных поэм, которые до сих пор оставались у нас “закрытыми книгами”; заслуга и в объяснении, чем и как немалый труд такого чтения может вознаградить читателя. Эти разделы работы хорошо структурированы: выделены темы и те черты поэтики, которые представлены как константы в творчестве Саути (глава 2); далее – характеристика произведений как целостности (разделы 3.1, 3.2 и 4) и раздел, посвященный одной из доминант его художественной системы – своеобразному ориентализму (глава 5). Похвально, что Л. Корнильева предлагает подстрочные переводы всего, что цитирует в оригинале (Примечания, с. 286 – 349). Это – филологический синтез, который обычно по трудоемкости и значимости равен филологическому анализу. Именно поэтому эти подстрочники иногда нуждаются в стилистической редакции, – хотя бы с тем, чтобы не допускать в них современный слэнг, такой, как допущен уже на с. 4 работы (в сказке Саути “медведи позиционировались как... отец, мать, сын”), или писать “это была знаковая хартия” (с. 339).

Да, к сожалению, к стилю, к культуре письменной речи, даже порою к орфографии есть что предъявить в качестве упреков. Автор не совсем понимает, что такое монография; корень “моно-” (единственный, только один; единственный предмет речи) ей ни о чем не говорит, именно поэтому

книга Н.В. Гербеля “Английские поэты в биографиях и образцах” и даже книга А.А. Аникста “История английской литературы” (от Средних веков до XX в.!) названы “монографиями” (с. 16, с. 21). Точно то же с “цитатой”: сквозь всю работу проходит отношение к цитате как самостоятельной творческой, авторской “единице”, в которой можно увидеть все большое целое. Между тем, творцы не пишут “цитатами”; цитата – это **наше** извлечение, наше “скорочтение” (cito – быстро). Есть случаи неправильного словоупотребления (“не осталось неосветленной в научной литературе”, с. 37; “Саути – предмет большого противоречия”, с. 39; “отзеркаливает”, с. 170; “ощущение... позволяет ощущать”, с. 76); ошибки, как в русском, так и в английском тексте: слова “в целом” и “в живых” нельзя писать слитно (сс. 132, 245, 178); “repellent” – нужно два “r”, а не два “p”; “уроп” значит просто “на”, и нельзя писать “кожа **над** лысым черепом” (все – на с. 136); “свеч” вместо “свечек” возможны только в художественной речи (“Игра не стоит свеч!”); “Прибой на сфинкса не жалеет свеч” (Пастернак), в научной – недопустимо (с. 142); “thee” не следует переводить “Вас” (с. 228 – 339), а в русских переводах классика вместо “разоренный”, “раздробленный” (с. 139) вписывать “ё”: и тот и другой случай нарушают волю поэта архаизировать речь и сделать ее торжественной. Жалко читателя, который будет пробираться сквозь “канцелярски”-формализированные, с обилием лишних слов пассажи, и не улучшит собственный словарь,

читая текст ученого филолога: “В художественном переводе этот отрывок переведен следующим образом...” (с. 256); “из **народного** фольклора” (с. 137); “Демон... под влиянием внешних факторов” (с. 131) – “канцеляритом” называл подобную речь Корней Чуковский.

И еще. Новалис, а не –лл– (с. 144), “Кехама” (h), а не Кегама (езде в тексте), “Вифлеемские”, а не “ие” (с. 249), priest – не **сановник**, а священник (с. 182). Нельзя называть великого поэта Одена “Ауден”, т.е. транслитерировать его фамилию, ведь Вы не транслитерируете “Шакеспеаре”. (Кстати, и звучание “Саути” автор книги мог бы уточнить).

Всего не перечтешь. Автору нужно вернуться к работе с редакторскими и корректорскими намерениями, если есть стремление связать эту публикацию со своими же серьезными научными намерениями.

Но жемчужиной всех этих россыпей, портящих нужную и актуальную публикацию, по крайней мере, для меня – рецензента, стало употребление “одалживает” в значении “берет в долг” (с. 134)! “Одалживают” – только **дают** в долг, или обязывают чем-то, или одаривают. Я знаю, что сплошь и рядом люди говорят так, как написала Л. Корнильева. Но ведь эти люди не претендуют на звание кандидата или доктора филологии: мы обязаны хранить и развивать язык. Чтобы тень классика, о котором мы написали, не воскликнула: “Ну, братец, одолжил!”